

Незатейливый сюжет

Я ни на что

Не налагала вето,

Я никогда от боли не кричу.

Пока живу – борюсь.

Меня счастливей нету,

Меня задуть

Не смогут, как свечу.

/Юлия Друнина/

- Вглядываясь в ее в глаза, он всё приближал и приближал свои губы к ее губам, а потом осуществил желаемое – начал ее целовать. Сначала робко, еще не веря своему счастью, потом долго и со вкусом. Не отрываясь, неожиданно вонзил своей возлюбленной нож в спину. Она дернулась, мгновенно ослабла в его руках. Жизнь медленно угасала в ее глазах. Мужчина опустил безжизненное тело на пол, полюбовался плодами своего зверского труда, облегченно выдохнул, перешагнул и направился на кухню, где тщательно вымыл нож под слабой струей воды...

- Ты с ума сошел! – возмутилась единственная в компании женщина, - договорились рассказывать позитивные истории, способные поднять наш, так сказать, боевой дух. Мы настолько погрязли в унынии – и это не удивительно при возникшей ситуации, что у нас просто нет другого выхода...

- И правда, Коль, зачем рассказывать страшилки про кровавые убийства? – поддержал женщину третий участник предполагаемого позитивного настроения, слепленного своими руками.

- Терпеть не могу, когда меня называют Колей, - с недовольством высказался тот.

- Прости, Ник.

- Я пересказал вам несуществующую историю, которая родилась в моем воображении. Успел перенести ее на бумагу, но не успел доработать до конца. Думал, вернусь из путешествия, подкорректирую и отправлю в редакцию... Видимо, у меня такой возможности уже не будет.

- Зачем ты это сказал?! Вот зачем?! Нужно думать о хорошем, вспоминать счастливые жизненные моменты или, по крайней мере, сочинять смешные истории! Мечтать о будущем, в конце-то концов! – эмоционально высказалась Антонина.
- А если ничего хорошего в голову не приходит? - надувшись, спросил Ник.
- Тогда тебе лучше помолчать и послушать других, авось что-то смешливое придет и в твою голову.
- Ник, и все-таки, чем закончилась твоя печальная истории любви? – любопытно спросил Семен. – Неужели это была месть за все перенесенные издевательства?
- Конечно, месть, что же еще! Сколько лет ждал и надеялся, а она все испытывала и испытывала, как принцесса своих принцев – претендентов на руку и сердце. Унижала прилюдно, говорила гадости... И когда сдалась...
- А почему сдалась-то? - вклинулась со своим вопросом Тоня.
- Потому что долго перебирала, остальные поклонники успели разбежаться, остался он один – верный и терпеливый, но к тому времени его рассудок помутился: от напряжения, от каждодневных переживаний и печальных дум. И он ее наказал. Суд признал его невменяемым и отправил на психиатрическое лечение.
- Лучше б он убил заодно и себя, - рассудил Семен.
- Вот интересно - что человек, совершивший подобное преступление, мог сказать в своем последнем слове, если бы дело дошло до суда, - задумалась женщина, передернув плечами, не так от холода, как от представленной картины расправы некогда преданного мужчины над жертвой, переставшей быть для него объектом болезненной любви.
- Могу предположить следующее: хотел проверить, есть ли у нее внутри душа, - быстро сориентировался создатель творения: в его рассказе ничего подобного не было. Но фраза показалась ему красивой.
- Недаром говорится - не играй с огнем, - заметил Сеня.
- Не мог он стать невменяемым на почве постоянных волнений, зачатки психического отклонения у него наблюдались с рождения, но родные не обращали внимания. А зря. Потом психика дала большой крен под

действием... обстоятельств, к примеру, - рассудила Антонина. Но быстро опомнилась, - ребят, давайте о хорошем...

О хорошем они договорились говорить после... определенных событий, как любит говорить начинающий писатель Ник Вареник, он же Николай Варенников, прежде увлекающийся поэзией...

Началось всё, как ни странно, с тяжелого расставания Семена Орестовича Шмыгуна с женой. Получив официальный документ о разводе, Семен зашел в пивной бар, чтобы утопить горе в кружке пива, где повстречал своего школьного друга Кольку Варенникова...

- Тоже мне, причина для уныния, - отреагировал Николай на объяснение Семена с какой-то стати он страдает. – Тебе всего сорок, вся жизнь впереди, расстался с одной, найдешь другую.

- Тебе легко говорить, - вздохнул Шмыгун. – Я ее любил и всегда буду любить.

- Хоть и говорят, что человека любят без причины: просто любят и всё, но я считаю, что чувство на пустом месте не появляется. Вот ты за что ее полюбил?

- За что? За красоту, наверное. Света очень привлекательная женщина. И еще она... беззаботная, что ли. Любые проблемы не принимает близко к сердцу, они от нее отлетают, как мяч от стены.

- Черствая она, - резюмировал Ник. – Эгоистка. Любит только себя. Порхает с цветка на цветок, как та стрекоза, а лето красное пропоет и ку-ку – никто тебя не пригреет.

- Ладно, не хочу о ней. Расскажи, как живешь? – спросил Сеня.

- Нормально. Пишу свои стихи, живется легко.

- Это Некрасов.

- Что, нельзя процитировать чужие строки?

Шмыгун неопределенно передернул крепкими плечами, предоставив визави свободу выбора. Повисла неловкая пауза. Оба не знали, как ее заполнить.

Семен вспомнил о бабушке Николая, которая занималась воспитанием внука.

- Как здоровье бабушки? – спросил он, сразу пожалев о вопросе – вдруг старушки нет в живых, а он сыпет соль на рану.
 - Такая же энергичная и полная жизни, - с неудовольствием резюмировал Варенников.
 - Между вами пробежала черная кошка? – поинтересовался Семен, уловив в голосе старого приятеля неприязненные нотки.
 - Замуж собралась, представляешь!
 - А сколько ей? – опешил от новости Шмыгун.
 - Семьдесят восемь.
 - А ему? В смысле, жениху?
 - Ее одногодок. А выглядит на шестьдесят, - с легкой завистью брякнул Колька.
 - Бабушка тоже хорошо сохранилась? Я давно ее не видел.
 - Прекрасно она сохранилась. С моей матерью, ее дочерью, они выглядят ровесницами. Бабушка родила дочь в девятнадцать, и мать родила меня в девятнадцать.
 - А тебе сорок, а ты ни разу не был женат и детей у тебя нет.
 - Что с того?! Говорю же – у нас вся жизнь впереди. Вот скоро меня начнут рвать на части издательства...
 - Кажется, я уже слышал эту фразу и ни раз.
 - Надежда умирает последней, - без удовольствия заметил поэт.
 - Живешь ты, как я понимаю, на пенсию бабки.
 - Ну, почему же, - протянул Николай, - иногда мои стихи печатают в журналах. Или зарабатываю написанием поздравительных адресных стихов «по случаю»... Платят неплохо, - добавил он, пряча глаза.
 - Или, когда жизнь заставляет, цитируешь собственные гениальные творения на улице, положив на тротуар шляпу. Вот как сейчас.
 - Ты видел меня в окно? – нахмурился поэт-неудачник. Но вмиг избавился от печали и предложил, - хочешь, прочту из нового? Ночью осенило.
- И опять неуверенное передергивание плечами от Семена. Но ответ поэту не понадобился. Он закрыл глаза, выдержал паузу, открыл глаза и произнес:

Мы с тобой шагали по планете,
Угодили в чьи-то злые сети,
Стойко продержались, не тужили,
А потом мы мирно поженились.

Шмыгун едва не свалился со стула – так сильно проникся гениальным творением и не менее гениальным прочтением. Чтобы не взвыть от смеха, он уложил локоть на стол, подпер подбородок ладонью и прижал пальцы к губам – своего рода борьба с рвущимися наружу эмоциями, которые способны ранить трепетную душу творческой личности.

- Как тебе? – без интереса спросил Ник. И сам ответил, - по-моему весьма недурно.

- Ты по-прежнему пишешь четверостишья? – совладав с эмоциями, спросил Семен.

- Предпочитаю лаконичность. А вот еще!

Увы, Шмыгун не успел запротестовать. День испытаний продолжался.

Люди, вы добрые, смелые,
Поэтому не гоняйтесь за сказкой-химерою.
Стройте заводы, живите во благо,
Будет вам счастье и много забавы.

Сенька не выдержал и заржал. Немногочисленные посетители пивного бара обратили на них внимание. Одни тоже улыбнулись, другие одарили укориженным взглядом.

- Сорри, - громким голосом извинился Семен и предложил приятелю покинуть насиженное место.

Они окунулись в духоту улицы и вдохнули влажный воздух. Летний день выдался очень жарким, вечер был ему под стать, с той лишь разницей, что солнце закатилось за горизонт и не жарило каждого, кто попадет под горячую руку.

Николай следовал за приятелем с недовольством на лице. Ясно – обиделся за низкую оценку его творчества.

- Брошу всё и уеду к черту на рога, - пробубнил он себе под нос.

- Куда ты уедешь?! – хмыкнул Семен.

- Мне в наследство от бабки по линии отца достался дом в деревне. Поеду, посмотрю. Может там и останусь. Тем более, бабушка замуж выходит, ей не до меня.

- Что не сделаешь, чтобы снять внука с шеи.

- Вот ты, Сенька!.. - задохнулся от возмущения Николай.

Оба сорокалетних мужчины были рослыми, только один крепок и широк в плечах, другой хил и согнут как человек с зачатками сколиоза.

- Да, я Сенька, и что? – парировал крепыш Шмыгун.

- Вот ты всегда таким был!

- Каким таким?

- Прямолинейным, как шпала.

- Кто тебе скажет правду, если не я.

- Это так, - подумав, согласился Николай. – Взять мою бабушку. Всё у нее... с вывертом. Как-то приходит и говорит: у меня вытащили из сумки кошелек, а в нем была вся пенсия. Как жить будем? Я ей: ничего, проживем, у нас есть макароны, крупы, консервы. Так и продержались месяц. Потом опять новость – занемогла. Никогда не болела, а тут вдруг... легла и лежит. Говорит страдальческим голосом: чтобы выздороветь необходимо дорогостоящее лекарство, но у нас нет на него средств. Я так разволновался, что тоже заболел. А бабушка, напротив, сразу выздоровела.

- Коля, ты дурак или прикидываешься? Неужели не понял, что твоя бабка искала способы заставить тебя РАБОТАТЬ и ЗАРАБАТЫВАТЬ?! Ей надоело тянуть тебя на своем горбу!

- Думаешь, с замужеством все враки? – своеобразно отреагировал Варенников на заявление Семена.

- Кто о чем, а вшивый о бане, - всплеснул руками друг.

- Ну и пусть выходит замуж, а я уеду.

- Скатертью дорога!

- Сенька, а давай со мной, а? Деревня небольшая, жителей мало, рядом лес, в лесу грибы, ягоды...

- Звери, - подсказал Шмыгун.
- Может быть и звери – лес-то большой. Поехали!
- В принципе, у меня отпуск, что мне в городе делать...

Так приятели оказались в заброшенной деревушке с двумя десятками постоянных жителей, у которых гостили их многочисленные родственники, уставшие от цивилизации.

Бревенчатый сруб, явно построенный умелым хозяином в начале прошлого века, вполне сносно сохранился для своих преклонных лет.

Наследство встретило Варенникова и его гостя неприветливо. Дверь открылась с превеликим трудом, а новый хозяин тотчас угодил ногой в пустое ведро, невероятным образом оказавшееся в сенях. Грохот стоял на всю округу. Ко всему Николай приложился лбом к дверному косяку, искры высыпали из глаз и осветили темные сени.

Давно Семен Шмыгун так не смеялся.

- Хорошо, что мы встретились, - констатировал он, успокоившись, - без тебя моя жизнь была бы скучна и однообразна.
- А со мной она расцвела маковым цветом, - потирая ушибленный лоб, поиронизировал Николай.
- С тобой я позабыл о своих неприятностях, - признался Шмыгун.
- Судя по твоим глазам, как у бассет-хаунда, я так сразу и понял.
- Время лечит.
- Время, начинаю про Ленина рассказ, - пробубнил Николай, отбрасывая ногой злополучное ведро и опускаясь на деревянную лавку, стоявшую здесь же в сенях. На лавке рядом с ним уместилась еще пара ведер.
- Маяковский поэма «Владимир Ильич Ленин», - вставил свои пять копеек Шмыгун. Убрал ведра и пристроился рядом с приятелем. Минут десять они сидели молча, каждый думал о своем.
- Так и будем здесь сидеть или начнем изучать наследство? – спросил Семен.

Ник хлопнул себя по худым ляжкам, резво вскочил на ноги и пробубнил под нос:

- Добро пожаловать, гости дорогие.

С этими словами распахнул следующую дверь, ведущую в жилое помещение.

Жилое помещение состояло из двух комнат: одной большой, другой поменьше. В большой стоял черный кожаный диван, времен Очакова и покоренья Крыма, с круглыми потертыми подлокотниками.

Николай упал на диван, погладил кожаное покрытие ладонью и задался вопросом:

- Интересно, откуда он здесь взялся? Я такие диваны видел только в старых кинофильмах. Прямо, как в кабинете Дзержинского.

Семен осмотрелся. Кроме дивана из «кабинета железного Феликса» вдоль стены высился трехстворчатый шкаф, возле шкафа - два больших кожаных кресла – комплект к дивану, между креслами – журнальный столик, на столике – ваза для цветов и ваза для фруктов – всё из красного стекла. Посередине комнаты стоял круглый стол, накрытый бархатной скатертью с бахромой, сильно смахивающей на красный стяг. Если бы не форма стола, обстановка напомнила бы красный уголок советского времени, которое Сеня не помнил, но знал по старым кинофильмам – в этом они с Николаем были схожи.

Вокруг стола дружной командой выстроились четыре стула. На один из них, выдвинув, полубоком присел Шмыгун, уложив один локоть на спинку, другой – на стол.

- Хорошо, что мы провианта набрали, - сказал Семен, - а то в этой глухомани, небось, никаких магазинов. Люди выживают благодаря подножному корму и лесным дарам природы. Лично я на дарах природы долго не протяну.

- Ну ты загнул, - осуждающе покачал головой Варенников. – В деревне есть магазин, а еще раз в неделю приезжает автолавка. Мне бабушка говорила, она с другой моей бабушкой поддерживала связь – они переписывались. И соседка подтвердила.

- А ты здесь впервые?

- Почему же, гостил как-то летом, но это было давно и неправда. Я малОй совсем был, еще в школу не ходил.

- Не понравилось?

- Я не помню, понравилось или нет, и бабушку плохо помню. Только ее голос – зычный такой. Комиссарша одним словом. Она возглавляла местную партийную ячейку. Партия ее сюда сослала... направила – правильнее будет, когда она была совсем молодой девушкой. Перед самой войной. Здесь неподалеку есть еще два села, руководство охватывало все три и базировалось в этом поселении. Во время войны бабушка ушла в партизаны. Однажды ее схватили фашисты, хотели повесить, но ей удалось ночью сбежать. Мороз был лютый, а она в одном исподнем пробиралась к своим несколько часов. И даже не простудилась. Вот какие были люди! Столько испытаний вынесла, а ничего, прожила до ста одного года, сама управлялась с хозяйством. Иногда соседи помогали.

- Соседи молодцы, конечно, а вот родной внук бессовестный...

- И спорить не стану, - сразу согласился бессовестный внук. – Я ответственности с себя не снимаю, но как-то так повелось, что у меня всегда была одна бабушка, а о другой я не вспоминал. Бабушка-комиссарша отличалась требовательностью, принципиальностью и прямолинейностью, а моему отцу эти качества сильно не нравились. Каждая встреча сына с матерью заканчивалась скандалом, в итоге они рассорились и не общались до самой бабушкиной смерти.

- Странные люди. И ты в том числе.

- Все думают, что они вечные, что все успеется, а вот и нет: не успеешь сказать родному человеку простое слово «прости».

- Делай выводы.

Николай попытался, потом предложил:

- Сенька, давай поедим и завалимся спать, у меня глаза слипаются.

- Согласен.

- А утречком отправимся в лес...

Когда они вышли на поляну, поэт замер, помолчал и выдал:

Ой, смотри-ка, мухомор!

Он пришел сюда в дозор.

Правда это или нет?

Поскорее дай ответ!

Главный критик фыркнул и сказал:

- Колька, я тебя очень прошу – завязывай ты со своими стихами, у меня сердце слабое, боюсь, не выдержу.
- Кому Колька, а кому Ник.
- Мне-то уж точно - Колька.
- Хорошо, я возьму тайм-аут, - процедил сквозь зубы Варенников.
- Я сильно проголодался! Бутерброды, которыми мы перекусили пару часов назад, давно переварились, и мой желудок издает урчащие звуки, от которых мне самому становится страшно, - заявил Шмыгун.
- Тебя, Сенька, легче убить, чем прокормить, - выдохнул непризнанный гений, затаивший легкую обиду. – Что ты предлагаешь? Вернуться?
- Почему бы и нет - мы собрали две корзины грибов, вполне достаточно для первого раза. Меня гложат сомнения, что все грибы съедобные, но по возвращению мы проконсультируемся у знающих людей.
- У бабкиной соседки, Клавдии Васильевны. Несмотря на разницу в возрасте, они с бабкой дружили. Она мне об этом сказала, когда вручала ключи от дома. Зря ты отказался от ужина, Клавдия от всей души предложила.
- Мы выдернули пожилого человека с постели – в селах люди рано ложатся спать, а мы нагрянули – здрасте, вы вас не ждали, а мы приперлись. Еще не хватало создавать ей очередные проблемы.
- Зато поели бы нормально, не питались бы в сухомятку.
- Не переживай, сегодня гарантирую тебе обалденный ужин! – со счастливой улыбкой на устах пообещал Семен Шмыгун.
- Ужин, - хмыкнул Колька, - ты предлагаешь до ужина объявить голодовку?
- Уничтожим запасы - заморим червячка, а уж вечером...
- Накроем стол, достанем бабкиной наливочки и под закусочку...
- Коля! Хватит издеваться на голодном человеком! Поворачиваем на сто восемьдесят градусов и резвой поросычьей рысью двигаем в сторону дома.

Они повернули один раз, потом еще и еще... В результате долгих хождений и поворотов оказались... на той самой поляне, где одиноко стоял красавец гриб-мухомор, воспетый поэтом, широко известным в узких кругах.

- Солнце уже спряталось за кронами деревьев, - зачем-то напомнил Николай.

- Солнышко скроется, муравейник закроется, - пробубнил зрячий Семен. Он давно понял, что день близится к логическому концу, скоро наступит ночь, и домой они точно не попадут, потому как заблудились.

- Что будем делать?

- Предлагаю не метаться бессмысленно по округе, развести костер, нанизать грибы на палочки, поджарить...

- И отравиться.

- Мы поджарим те грибы, в которых мы уверены на сто процентов, - нравоучительным тоном произнес Сенька. – Перекусим и устроимся на ночлег. Утро вечера мудренее.

Шмыгун уже приготовился приводить разумные доводы в поддержку своего предложения, успокаивать Николая, который в любой стрессовой ситуации начинал спорить и возмущаться. Но ни в этот раз. Николай согласно кивнул и с обреченным видом отправился собирать валежник.

- Только далеко не отходи! - крикнул ему вдогонку Семен. Постоял, подумал и потрусил за приятелем.

Показалось, тот только скрылся из вида, но сразу как в воду канул.

Ночь вступила в свои права незаметно и мгновенно. Только очертания деревьев еще просматривались и вдруг ни зги не видно.

- Колька! – позвал друга Шмыгун.

Где-то вдали метнулся свет фонарика. Свет приближался и вскоре уперся в ноги Семена.

- Чего ты кричишь? – спросил человек с фонариком голосом Варенникова.

- А зачем ты сбежал от меня?

- Я хворост для костра собираю.

- Надо держаться вместе.

- Я и держусь, - парировал Колька и замер в позе мыслителя, подсвечивающего себе лицо обычным фонарем. Зрелище было не для слабонервных. Семен вздрогнул и нервно рассмеялся, невольно вспомнив детство, и сразу предупредил:

- Только не надо виршей!

- Причем здесь стихи, тем более я дал слово, - отстраненно заметил Ник, напряженно прислушиваясь. – Сень, тебе не показалось, что кто-то зовет на помощь?

- Это глюки, - констатировал без раздумий Шмыгун. – Возвращаемся на поляну... Если нам удастся ее найти... А если нет, то мы останемся без ужина – на поляне остались наши корзины с грибами и рюкзак с полупустой бутылкой воды.

- погоди ты со своей поляной, - отмахнулся Колька. – Я тебе точно говорю: кто-то зовет на помощь. Такой слабый женский голос.

Пришлось Семену наострить уши.

- И правда – кто-то зовет на помощь. Женщина, без сомнения.

- Причем, не так далеко.

- Надо ее найти. Будем выбиратьяся втроем.

- Да, две головы хорошо, а три – прекрасно. Вдруг у нее лучше с ориентированием на местности, чем у нас, - продираясь сквозь заросли, рассудил Варенников. – Вдруг ее нам сам бог послал.

Мужчины двигались на голос, время от времени останавливаясь и прислушиваясь. Свет фонаря метался по деревьям, обступившим со всех сторон две перепуганные одинокие фигуры. Деревья были великанами, люди - лилипутами.

Путникам казалось, что они бродят в поисках женщины не меньше часа, оказалось, всего десять минут.

- Жаль, телефон не ловит, - в который раз за последнее время повторил Николай, - а то бы позвонили в МЧС и все дела.

- Если бы, да кабы, да во рту росли грибы, - пробубнил Семен. – Коль, кажется, надо взять чуть левее – голос слышится оттуда.

- Давай...Странно, что она не идет нам навстречу. Мы кричим, кричим, реакции ноль. Как думаешь, что это значит? Вдруг это не женщина, а ведьма, которая хочет заманить нас в... болото? Здесь есть болото?

- Откуда я знаю. Но думаю, нет, - уверенно сказал Шмыгун и тоже заинтересовался, - действительно, странно, почему не идет в нашу сторону?

- Почему-почему, потому что это лесное чудище в женском обличье! – пробурчал Варенников. Остановился, прижался спиной к дереву и призвал друга присоединиться, махнув рукой, с зажатым в ней фонариком.

Неподалеку послышался шелестящий шум. Ник схватил замешкавшегося друга за куртку и рванул на себя. Сенька тут же на него навалился, сдвинулся и прижался спиной к толстому стволу дерева.

- Что это было? – напряженным шепотом спросил Варенников.

- Ночная птица. А ты что подумал?

- Поворачиваем назад? - задал встречный вопрос Николай.

- Нет уж, вперед и только вперед. Надо разобраться, что происходит...

Женская фигурка неожиданно возникла в трепещущем слабом луче света.

Несчастливая была крепко примотана к стволу дерева скотчем. В какой-то степени женщине повезло – ее рот не был заклеен, поэтому она могла звать на помощь.

Мужчины с лихим проворством освободили пленницу, благо, у них оказался с собой нож. От бессилия она сползла на землю. Спасители не стали ее поднимать и пристроились рядом с двух сторон. Не сговариваясь, отказались от неуместных вопросов.

- Я Семен, а это мой друг Николай, - произнес Шмыгун.

- Меня зовут Антонина Сулятьева. Антонина Денисовна Селятьева... Спасибо вам огромное. Если бы не вы, даже боюсь предположить, что со мной могло случиться... Впрочем, исход вполне себе очевиден...Наверное, вам интересно, кто со мной сотворил это... безобразие? – с трудом подобрала она слово. Ответа не получила, но решила объяснить, – это сделал мой дражайший супруг. Перевезенцев Эдуард Брониславович. Он женился на мне по расчету, жаль я поняла это слишком поздно. Мой отец - известная в городе личность, бизнесмен, меценат и прочее. Недавно отец скончался в возрасте

восьмидесяти лет. До последних дней он находился в здравом уме и твердой памяти. Был физически крепок. Строил планы... Но человек предполагает, а бог располагает... Муж побаивался моего отца, во всем ему угождал – надеялся заполучить высокую должность в компании отца. Но так и оставался руководителем среднего звена. Думаю, отец давно бы от него избавился, но сдерживал факт родства. При мне он никогда не критиковал зятя, но и без того известно его невысокое мнение об умственных и организационных способностях Эдуарда. Перед смертью отец написал четкую инструкцию: что и как нужно делать, на кого полагаться. Я поступила согласно инструкции. Главой компании стал надежный человек – правая рука моего отца, которого я знаю с рождения.

- А ваш муж остался на своем месте.

- Конечно.

- Он разозлился и решил от вас избавиться таким нетривиальным способом? – спросил Николай.

- Он всегда мечтал завладеть компанией, поэтому разводиться со мной ему не было смысла - все движимое и недвижимое имущество досталось мне по завещанию, грамотно составленному нашим юристом, старым другом моего отца. Остается одно – создать иллюзию моего похищения. Муж заявит, что меня похитили с целью получения выкупа... Потом кто-то из грибников обнаружит мое бесчувственное тело...- Тоня хлюпнула носом. Взяла себя в руки и продолжила, - никто не заподозрит моего любящего и заботливого мужа... Он всегда умело изображал особое ко мне отношение. Мне все завидовали. Да что все, я сама себе завидовала – так ему верила. Актеришка, что ему пусто было! Теперь муж начнет изображать невыносимые страдания, требовать от следственных органов найти похитителя и наказать его по всей строгости закона. Пройдет время, и он подгребет под себя всё.

- Ну и сволочь, - процедил сквозь зубы Николай.

- В следственном комитете тоже не дураки сидят. Сразу поставят вопрос – кому это выгодно? Ясно кому – мужу.

- Я уверена, что он все тщательно продумал... Странно звучит, но я хочу сказать ему спасибо, что не убил, а просто оставил в лесу, - задумчиво проговорила Антонина Сулятьева. – Эдуард заявил, что не может меня убить. Наемного убийцу не захотел привлекать к делу, чтоб тот впоследствии не начал его шантажировать. Выходит, знаем мы двое. Меня не станет, остается он один.

- Он вас усыпил, привез в лес, привязал к дереву и ушел? – уточнил Семен.
- Нет, всё было совсем не так. Эдуард сказал, что приготовил мне сюрприз ко дню рождения. Сегодня... или уже вчера мне исполнилось тридцать пять лет.
- Хорош сюрпризец, ничего не скажешь, - покачал головой Николай Варенников.
- Ваш муж хорошо знает эти места? - спросил Семен.
- И я, и муж в этом месте оказались впервые. Предполагаю, что кое-какой информацией он обзавелся, прежде чем вести меня сюда. Добрались мы на автомобиле, причем автомобиль был чужой. Где он его взял, осталось тайной за семью печатями.
- Каршеринг? - спросил Шмыгун и сам же ответил, - сомнительно даже при наличии поддельных документах: внешность Эдуард не изменил, поэтому его без труда опознают служащие профильной компании.
- Может, угнал? – предположил Николай, - или позаимствовал у приятеля, находящегося в длительной командировке?
- Эдуард хорошо подготовился, все продумал, в связи с чем привлечь его к ответственности будет чрезвычайно сложно, - задумчиво протянул Семен. – И то, о чем вы, Тоня, нам рассказали, не является доказательством вины.
- Это всего лишь мои обвинения, - вздохнула молодая женщина.
- Но у него был с собой мобильный телефон! - возликовал Варенников.
- Эдуард попросил меня отключить телефон и сам проделал тоже самое. Объяснил свою настойчивую просьбу так - чтобы никто и ничто не отвлекало друг от друга... Сравнил наше путешествие со свадебным, - печально произнесла Антонина Сулятьева. - Он был... таким... заботливым, таким любящим... - Тоня всхлипнула, Семен успокаивающе погладил ее по плечу. Она благодарно кивнула и продолжила, - я в кошмарном сне не могла предположить, какая участь мне уготована.
- Как в сказке, когда хитрый злодей заманивает в лес хорошего доверчивого человека, - пробубнил Колька. – Но в сказке всегда хороший конец. Причем, все злодеи получают по заслугам! Так что, Тонечка, последний ход будет за вами. Еще не известно, кто кому приготовил сюрприз.
- Ребята, спасибо вам!

- Всегда пожалуйста, - обронил Николай, изображая беспечное счастье.

- Рано радоваться, - осадил его Семен. - Знаете ли, Тонечка, мы с Колей заблудились, но вы не переживайте, мы обязательно найдем дорогу назад. – И тоже лучезарно улыбнулся, дав понять, что возникшая проблема выеденного яйца не стоит.

Николай подсвечивал фонариком, чтобы вся компания, сидевшая плечом к плечу, могла видеть друг друга и оценивать эмоции. Поэтому Тоня заметила улыбки на устах мужчин и успокоилась. Особое доверие вызывал мужчина внушительной комплекции. Другой, более компактный, был залихватски бесшабашен, по-мальчишески, и эта бесшабашность поднимала настроение. Мужчина-мальчик явно хотел ей понравиться, причем так неумело, что ей стало немного его жаль.

- Сейчас мы доберемся до нашей полянки, приготовим ужин на скорую руку и ляжем спать. А утром обязательно выберемся из леса, по-другому и быть не может, - поддержал приятеля «компактный» Николай, поднимаясь на ноги и предлагая руку Антонине. Его примеру последовал приятель. Тоня оперлась на обе предложенные руки – чтобы никого не выделить и никого не обидеть - и троица отправилась в путь.

На удивление они быстро вышли на заветную полянку. Разожгли костер, нанизали на прутики грибы, поджарили и перекусили. Сделали по пару глотков воды, из экономии, близко, но на безопасном расстоянии, от костра устроили спальные места из сухих листьев. Двое легли – Тоня и Николай, третий - Семен - вызвался охранять их сон и поддерживать огонь. Позже он разбудит друга и тот его сменит.

Но сна не было. Тоня обдумывала случившееся. В голову поэта лезли без спроса новые четверостишья. Мужчина и женщина таращились на огонь и молчали. К костру вернулся Семен с охапкой валежника. Бросил на землю и пристроился на корточках, любуясь языками голодного пламени, пожирающего сухие дровишки.

Семен думал об Антонине. Исподтишка наблюдал за ней, порывался о чем-то спросить, но не решался. Сильная женщина, пережившая стресс, вызывала уважение: не каждый мужчина станет так себя вести. Да, слегка всплакнула, но не выла белугой, не проклинала мужа-злодей, даже высказала слова благодарности - не расправился. Этого Семен, если честно, не понимал и не одобрял.

Но на то она и женская логика, чтобы мужчине ее не понимать.

Взгляд скользнул по задумчивому женскому лицу. Сначала лицо было спокойным и даже отстраненно-безразличным, затем из глаза выкатилась одинокая слезинка. За первой последовала вторая, потом еще и еще.

Первый шок прошел, Тоня осознала, что произошло: самый близкий и единственный любимый человек оказался гадом, подлецом и самым что ни на есть убийцей.

Она плакала беззвучно, потом разрыдалась в голос. Мужчины принялись ее успокаивать. И будто бы добились желаемого, но тут Колька возьми и ляпни:

- Даже если мы не выберемся из леса, то втроем не так страшно умирать.
- Слушай, гений поэзии, ты бы думал прежде, чем говорить, - нелюбезно пресек его рассуждения Семен.
- Вы меня не поняли, я к тому, что втроем легче отбиваться от диких зверей, зайдем оборону...
- В этом лесу водятся волки? - не дал ему продолжить дрожащий женский голос.
- Лес он и... в Африке лес, - выкрутился Варенников.
- Наверное, нам лучше провести ночь в дружеской беседе, - предложила Антонина Сулятьева. – Мы будем рассказывать друг другу позитивные истории, поднимать настроения и вселять уверенность в то, что всё еще будет. В основном, хорошее, хотя, без пасмурных дней не обойтись. Речь идет не о погодных катаклизмах.
- Бесспорно, - согласился Колька, он же начинающий прозаик Ник Вареник, он же известный стихотворец. И, без долгих отступлений, выдал кровожадную историю собственного сочинения о мужчине, сошедшем с ума от безответной любви, который жестоко расправился со своей возлюбленной, долгие годы изводившей его презрением и насмешками.

Слушатели восприняли рассказ с неодобрением.

- Теперь моя очередь, - вступила Тоня. – Когда один знакомый поведал мне свою историю, ему было далеко за восемьдесят, наверное, поэтому он веселился от души – прошло много десятков лет, поэтому происшествие потеряло свою остроту. Но в ту пору ему точно было не до смеха. Звали

знакомого Евграф Дмитриевич Полуэктов. Он приходился прадедом моей близкой подруге. Дед Евграф часто развлекал нас разными историями из своей длинной жизни, но одну историю я хорошо запомнила, потому что она показалась мне неким чудом. Как известно, чудеса всегда нас привлекают. Итак. В молодости Евграф Полуэктов профессионально занимался спортом. Был заслуженным мастером спорта по легкой атлетике. У многих спортсменов, не скажу, что у всех – у многих – замедленное сердцебиение, брадикардия. Для обычного человека подобное состояние вызывает большие проблемы со здоровьем даже при минимальных физических нагрузках, когда остаточное количество оксигенированной крови не может правильно распределяться в организме, как результат – высокое внутричерепное давление, проблемы со зрением, тошнота. Для спортсменов с физическими нагрузками и постоянными тренировками брадикардия практически безвредна. И человек, о котором идет речь, не исключение. Однажды Евграф возвращался домой после тренировки, присел на скамейку и уснул. Сердобольные советские граждане не прошли мимо, молодой человек в странной позе на скамейке привлек внимание. Вызвали неотложку. Приехавшие врачи констатировали смерть. Тело отправили в морг. Крепко спящий молодой человек с диагнозом брадикардия никак не отреагировал на перемещение, открыл глаза только в конечном пункте и долго не мог понять, как он здесь оказался. Сполз с холодного стола, осмотрелся, заметил тела под белыми простынями, и решил сходить на разведку. Можно себе представить состояние работников морга, когда из помещения, где находятся трупы, появляется, позевывая, живой человек и вкрадчиво интересуется, что происходит... Евграф Дмитриевич заканчивал свою историю словами: вот так я побывал на том свете.

- Честно говоря, смешного здесь я ничего не вижу, - промямлил Николай Варенников.
- Хорошо то, что хорошо заканчивается, - пресек его дальнейшие рассуждения Семен Шмыгун. И обратился к женщине, - а вы, Тоня, кто по профессии?
- Врач-терапевт общей практики.
- Почему-то я так и подумал.
- Семен, мы договорились обращаться друг к другу на «ты», - напомнила она.
- Конечно, - кивнул Сеня.

- Ребята, я придумал новую историю из жизни Евграфа Полуэктова! - высказался окрыленный идеей Варенников. – Представьте себе, что наш Евграф Дмитриевич не молодой парень, спортсмен и все такое, а мужчина достаточно пожилой. Поживший, повидавший. Да, он бывший спортсмен, который, сбавив темп, продолжает заниматься спортом себе во благо. У него... эта...

- Брадикардия, - подсказала Тоня.

- Да-да, брадикардия. Лето. Жара. У Полуэктова солнечный удар. Приезжает «Скорая», выносит вердикт «смерть в результате сердечного приступа» и отправляет тело в морг. Трагическое известие доходит до многочисленных родственников, которые тотчас вступают в борьбу за наследство «покойного» Полуэктова.

- А есть за что бороться? – включилась в игру Сулятьева.

- Есть и много чего! – коротко ответил Варенников, он же Ник Вареник. – В общем, потенциальные наследники успели показать свое истинное лицо. Все, кроме дальней родственницы из Тьмутаракани, которая всем сердцем любила старика и ни на что не претендовала. Вместо того, чтобы включаться в тяжбу, она отправилась в морг, желая всплакнуть на груди того, кто ей был поистине дорог...

- Девичья слеза упала на холодный лоб, и свершилось чудо – мужчина, приговоренный неумелыми докторами, - прости, Тоня, к тебе это не относится, - вернулся к жизни, открыл глаза...

- Сенька, вечно ты все испортишь! – воскликнул Николай.

- А мне нравится! - рявкнул Шмыгун. – И пусть эта девушка будет не девушкой, в том смысле, что молодой она была лет двадцать назад, и вовсе не родственница из Тьмутаракани, а его первая любовь. Она всю жизнь любила его одного, но им помешали соединиться злые люди. Он женился на другой, родились дети, но счастья в семье никогда не было, как и любви. И вот он открывает глаза и думает, что он переместился в загробную жизнь, где встретил свою единственную. Он целует ее, а она... она падает в обморок со всего маха. Ударяется головой о цементный пол и... счастье на этом заканчивается, так и не начавшись.

- Где позитив, позвольте, узнать? – спросил Варенников, хмурясь.

Антонина Сулятьева промолчала. Только переводила взгляд с Николая на Семена.

- Ладно, хорошо, - выставил перед собой ладони Семен, как бы защищаясь от нападков приятеля. – Она просто падает в обморок, но он ее вовремя подхватывает, у них всё хорошо-отлично, чего не скажешь о корыстных родственничках, которые получают большой кукиш с маслом.

- В чем заключается твое «хорошо-отлично»? – уточнил Ник с каверзой в голосе – хотелось посмотреть, как друг станет выкручиваться из искусственно созданной ситуации, которую надо завершить нетривиально.

- Ничего необычного, всё как у всех: в скором будущем у пары рождается дочь, которой дают имя Антонина, - выпалил Шмыгун, кося глазом на женщину.

Она повела себя неожиданно - спрятала лицо в ладони и залилась слезами.

- Милая, что с тобой? – трогательным голосом спросил Коля, обнимая женщину за плечи.

- Тонь, не плачь, - подключился Сеня, - Если я что-то не то ляпнул, ты меня извини.

- Сень, ты... ты повторил историю моих родителей. С той лишь разницей, что моя мать была кардиологом и спасла отцу жизнь. В молодости они любили друг друга, по нелепому недоразумению расстались и никогда не встречались до того случая. Его привезли в больницу с инфарктом. Он находился на грани жизни и смерти. Его жена отправилась к нотариусу, чтобы узнать условия завещания, уже всё для себя решив. Но чудо произошло благодаря хирургу-кардиологу от бога, моей маме. Она боролась за жизнь больного, еще не зная, кто лежит на операционном столе. С последней их встречи прошла целая вечность.

- Потом твой будущий отец развелся с женой и сочетался законным браком с той, которую любил всю свою жизнь.

- Так всё и было. Потом родилась я... В первом браке у него тоже родилась дочь, она гораздо старше меня. Родители безумно любили друг друга. Когда мама умерла, отец так и не смог оправиться от потери... Простите меня, ребята. Я не должна была...

- Должна, должна, - успокоил ее Николай. – Ты поплачь, легче станет.

- Мне с вами так спокойно и хорошо, как давно не было, - призналась Тоня и задумалась, - вот скажите, почему наваливается все и сразу. Сначала мама, потом отец, потом... выходка этого субъекта, названного моим мужем. Ведь отец отговаривал выходить замуж за Эдуарда, но я была ослеплена любовью. Наверное, приводил разумные аргументы, но... кто бы их слушал.

- Не ты первая, не ты последняя, - изрек Николай с умным видом.

- Разнюнилась, - вздохнула женщина, - что вы обо мне теперь подумаете...

- Только то, что сильная женщина иногда плачет, - нашел быстрый ответ Семен и предложил, - давайте я вас все-таки развлеку.

- А, давай! – сквозь слезы улыбнулась Тоня.

– На этот раз речь пойдет о моем отце. Он всю жизнь занимается наукой, пусть не ученый с мировым именем, но известный человек в определенных кругах. Его поприще – биология. Как все люди его круга - он не от мира сего. Моя мать утверждает: у твоего отца бытовой кретинизм. Маме приходится нелегко, но она как-то приноровилась и находит в поведении мужа свои преимущества: главное, не пьет, не курит, налево не ходит. Он может положить книгу в холодильник, а сливочное масло – на книжную полку. Подобных примеров множество, в общем, за отцом нужен глаз да глаз. Что мама и делает. Она уже на пенсии, а отец продолжает трудиться в институте, возглавляет кафедру этномологии. Раньше мама пыталась вовлечь мужа в решение бытовых проблем, требовала его участия в воспитании сына. Меня, значит. Но ничего хорошего из этого не вышло. Как-то он остался дома, чтобы дожидаться сантехника из жэка. Пришел мужик, он впустил его в квартиру, и ушел в кабинет заниматься своими делами. Через какое-то время раздался звонок в дверь. Отец открыл и увидел еще одного мужика, чем-то похожего на предыдущего. Этот назвался сантехником.

- А тот? Тоже назвался сантехником? – уточнила Тоня.

- Кто бы знал, - развел руками Семен. – Отец уверял, что назвался, но мы сильно сомневались. Видимо, первый «сантехник» сильно удивился неожиданной свободе, прихватил первое, что попало под руку – обчистил холодильник, забитый под завязку по случаю грядущего новогоднего праздника, и был таков. Время было сложное – полки магазинов «радовали» пустотой, так что мама была в бешенстве.

- Представляю себе, - хмыкнула Антонина.

- Или вот еще случай. Учился я в третьем классе. Мама приболела и отправила отца на родительское собрание. Когда он вернулся, мама спрашивает: что говорили о сыне? Как его успехи? – Ничего не говорили, - ответил отец. Я, естественно, сильно обрадовался, потому что за мной водились кое-какие грешки...

- Сенька у нас всегда был заводилой, любил подтрунивать над учителями и одноклассниками, беззлобно так, но не все его шутки понимали, - вклинился Николай.

- А вы вместе в школе учились? - удивилась Сулятьева.

- Все десять лет за одной партой просидели, - с гордостью ответил Ник, а Сеня подтвердил кивком и продолжил.

- Но маме что-то показалось подозрительным. Она решила провести допрос с пристрастием. Поинтересовалась, как отцу школа, понравилась ли. А тот: школа как школа, ничего особенного. – Ремонт, наверное, давно требуется? - Ремонт? – вскинул брови отец. – Нет, нормально там, чистенько, стены выкрашены, потолок побелен, полы... тоже нормальные. – А на фасаде выбит номер школы... - Номер школы, - автоматически повторил папа, у которого не было проблем с цифрами, хотя он не поклонник точных наук, - номер школы шестьдесят пять, - четко отрапортовал он и порадовался своему небывалому успеху. – Шестьдесят пять?! – возликовал я и покатился со смеху. – Так это не моя школа, а соседняя! – Какая была ближе, в ту я и зашел, - высказался отец, не понимая своей оплошности. – Ты присутствовал на родительском собрании в чужой школе?! – всё повышая и повышая голос спросила мама. Опять вмешался я, начиная кое-что подозревать: «Пап, ты в каком классе был? – В каком, в каком, в твоём! – А конкретнее? - На двери табличка, на табличке написано 4 «А»... Он не только школу перепутал, он забыл, что его сын учится в третьем классе, в 3 «Б»!.. Что, не смешно?

- Грустно, - вздохнула Тоня. – Могла бы пожалеть твою маму, но раз ее все устраивает...

- Если честно, мне тоже не всегда было смешно, чаще - обидно. Но я вида не подавал, - признался Семен.

- Дети всегда обижаются на равнодушие, тем более родителей, - констатировал Николай, родители которого в двухмесячном возрасте подбросили его бабушке. Фанатики-археологи на первый план ставили работу, на второй – друг друга, а сын занимал почетное... какое-то место, но

не третье. Молодой бабке пришлось нанимать няню для внука, но все свободное время она проводила с ним. Любила его безмерно, баловала и балует до сих пор. А он... сидит у нее на шее. Сенька прав. Здорово, что бабушка решила выйти замуж. Имеет право на личное счастье. Возраст браку не помеха. Колька рад за бабушку. И с нового учебного года - дает себе слово – пойдет учить детей русскому языку и литературе. Не зря пять лет учился в педагогическом институте. А со стихами надо завязывать. Увы, не вышло из него ни Пушкина, ни Маяковского, ни Есенина с Блоком.

- Ник, ты, правда, пишешь стихи? – будто прочитав чужие мысли, поинтересовалась Антонина Сулятьева, коснувшись мужской руки. Колька зарделся, как гимназистка, и тихо ответил:

- Пишу. Четверостишья.

- О любви?

- Мммм, - промычал он в раздумье, после чего с вызовом заявил, - философские!

Сеня фыркнул.

- Может, считаешь? - Тоня решила таким способом выразить ему благодарность и поддержку.

Шмыгун выразительно взглянул на друга, мысленно напомнив о договоре. Потом незаметно показал ему кулак.

- Дело в том, дорогая Тонечка, что не всем здесь присутствующим нравится мое творчество, - победоносно зыркнув в его сторону, протянул поэт.

Пришлось «некоторому присутствующему» вмешаться:

- Я думаю, что для данного конкретного случая твои стихи будут чрезвычайно уместны.

- Вот и отлично! – хлопнула в ладоши Тоня.

- Ну, раз так, - подхватился Ник Вареник и соизволил начать:

В один из жарких летних дней

Ты мне сказала: поскорей

приди ко мне и обними

И будем верить в счастье мы!

- Хм, - вырвалось у Сулятьевой. – Верить в счастье это прекрасно, без веры жизни нет, - выкрутилась она, потупив взор.

Сенька давился от смеха, с трудом сдерживаясь.

Вдохновленный поддержкой поэт продолжил:

Ладная ты у меня,
Хоть и некрасивая,
Ходишь, серьгами звеня,
Ты моя игривая.

- Гы-гы, - вырвалось у Шмыгуна. – И где же тут философия? – спросил он, кусая губы и тихо постанывая.

- Тебе, простому смертному, не понять, - изрек поэт. – А сейчас из последнего:

Трудно быть талантливым,
Еще трудней - бездарностью,
То и то заманчиво,
Но не всегда желаемо.

Сенька подпрыгнул и скрылся за ближайшим деревом. Откуда сразу раздались подозрительные звуки: то ли плач, то ли стон, то ли все вместе.

- Этот стон у нас песней зовется, то бурлаки идут бечевой, - нашелся Николай Варенников. И обратился к женщине, - Тоня, не обращайтесь на Сеньку внимание, он всегда странно реагирует на мои творческие порывы. Это все от зависти.

- Я тебе завидую?! – возмутился Шмыгун, тотчас появляясь у костра.

- Но ты же ТАК не можешь!

- Так - не могу и не хочу!

- Ребята, я вот о чем подумала, - вмешалась в спор Антонина.

- О чем? – насупился поэт, ожидая подвоха.

- О том, что я ничего не смыслю в поэзии.

- Как ни странно, я тоже, особенно в такой! – ухмыльнулся Семен.

- Я не то имела в виду. Я не могу понять скрытого смысла этого стихотворения. Ник, ты как автор, обязан нам пояснить. В чем здесь философия?

- Все очень просто. Любой человек талантлив, но есть талант, о котором лучше никому не знать.

- Например?

- Например, медвежатник. У него... своего рода талант, которым не обладают другие. Или вор-карманник. Заманчиво обогащаться несправедливым трудом, но лучше найти другой способ – не противозаконный.

- Ты интересный человек, Коля, - похвалила Сулятьева, подумав.

- Неординарный, - подхватил Семен.

Неординарный человек повернул голову, в упор посмотрел на Антонину, причем так впился в нее взглядом, что в ее глазах невольно возник вопрос: что с ней не так. Не получив никаких пояснений, она поправила свои пушистые рыжие волосы, потом заплела их в косу, а косу забросила за спину.

Николай не стал отводить от нее взгляда, испытывая терпение. Семен наблюдал сцену обмена взглядами со стороны, ожидая последующих действий или заявлений.

Заявление последовало в привычной стихотворной форме. Завороженным голосом Николай напомнил известную поэтессу-шестидесятницу:

Ты прекрасна, спору нет.

Шлю тебе большой привет!

Расскажи мне, как живешь?

И, надеюсь, не соврешь!

Возле костра повисла неловкая пауза. Первым не выдержал Шмыгун, которому надоел поэтический вечер.

- И тут Остапа понесло! – только и смог сказать он. В голосе сквозила угроза и предупреждение.

По установившейся традиции Тоня решила сгладить ситуацию:

- Просматривается знание классической поэзии...

- Уровня первого класса, - добавил Семен.

Внимание Варенникова привлек затухающий костер, им он и занялся. Тоня следила за его ловкими действиями, потом спросила:

- Коль, ты женат?

- Нет и никогда не был, - ответил он и распустил павлиний хвост, сделав собственные выводы себе в угоду.
- Я тоже не женат, - на всякий случай сообщил Сеня.
- Но был женат, недавно развелся, пребывает в унынии, поэтому я пригласил его поехать в деревню, отвлечься и развлечься, - ябедническим голосом доложил Варенников.
- Коль, - обратилась к нему Антонина, собравшись с духом, - у меня есть подруга, она владеет салоном красоты. Женщина она деловая, приземленная, хозяйственная. Необыкновенная чистюля! И красавица! В одном беда – с мужчинами ей не везет. Мне кажется, ей нужен такой человек как ты.
- Быстро возьмет тебя в оборот, Колька, - вырвалось у Семена, но под взглядом Тони он сразу прикусил язык.
- Как зовут? – спросил без явного интереса Ник, ворочая поленья в костре.
- Ее имя что-то изменит? – трагическим шепотом вставил Сенька.
- Я просто спросил, - делая паузы, произнес поэт, поднялся на ноги и отряхнул ладони.
- Подругу зовут Виталина. Мы называем ее Вита.
- А что она такая-растакая красавица и до сих пор не замужем? – удивился Варенников.
- Была замужем, два раза, но оба раза неудачно. Идиоты попадались, не ценили своего счастья.
- Почему ты думаешь, что ей нужен такой как я?
- Она немного старше тебя, - принялась перечислять женщина, - вы две противоположности, у вас разные интересы, разный темперамент. И самое важное для тебя - Вита не привыкла ломать мужчину через колено, поэтому...
- Если ты имеешь в виду мое...увлечение, то сразу скажу - я решил покончить с сочинительством, - не дал ей договорить Варенников. - Пойду работать по профессии – буду учить детей русскому и литературе. Не беда, что нет опыта, было бы желание. И детей я люблю.
- Не ожидал, - вскинул брови Семен.

- Я проходил практику в школе, с учениками установил полный контакт и взаимопонимание.
- Да? – не поверил приятель.
- Представь себе!
- Заклюют в школе такого тетёху!
- Много ты понимаешь!
- Пусть попробует, уйти всегда сможет, - поддержала Антонина.
- Ты главное не читай ученикам своих стихов – дети тебе этого не простят.
- Не учи ученого!
- Сень, а ты чем по жизни занимаешься? – поинтересовалась Сулятьева.
- Был когда-то следаком, денег платили мало, подался на вольные хлеба, кочую по частным детективным агентствам.
- Почему кочуешь?
- Не по мне это! Я любил свою работу...
- Жена настояла на том, чтобы ты ушел?
- Это было наше совместное решение, - слукавил Семен, но Тоня без труда догадалась, чье было решение на самом деле. Принесенная жертва не позволила сохранить брак.
- Сейчас, наверное, захочешь вернуться?
- Уже подал раппорт на восстановление в следственном отделе. Надеюсь, удовлетворят.
- Таких спецов, как Сенька, еще поискать, - уверенно заявил приятель.
- Когда я назвала свою профессию, ты, Сеня, заметил: почему-то так я и подумал. Я могу сказать тоже самое о тебе, потому что вопросы, которые ты мне задавал, когда мы говорили о... выходке Эдуарда, были вопросами профессионала.
- Ничего сверхъестественного я не спросил.
- Чтобы завоевать мужчину, надо его похвалить, - невзначай обронил Николай.

- Ни о чем таком я не думала, - замотала головой женщина.
- Не реагируй на... творческого человека с задержкой развития.
- Я бы попросил...
- Я бы тоже! – парировал Семен.

Возле костра повисла неловкая пауза.

- Ребята, чья очередь рассказывать смешные истории? – бодрым голосом спросила Антонина.
- Думаю, на сегодня историй достаточно, - осадил ее порыв Семен. И миролюбиво предложил, - вы постарайтесь поспать, завтра нам потребуются силы, а я подежурю, - предложил Семен.
- Вот еще! Я подежурю! – заспорил Николай.

На том и сошлись.

На удивление Семен уснул сразу, едва положил голову на ворох сухой листвы. Листва пахла осенью. Наверное, поэтому ему приснилась женщина с лицом бывшей жены, но с рыжими волосами и фигурой «песочные часы», как у Антонины Сулятьевой, в «живом» сарафане из красно-желтых кленовых листьев. На голове красиво сидел такой же венок. Семен восседал на табурете посередине большого зала, а женщина-осень ходила вокруг него кругами и проговаривала:

- Ты избранник, на тебя одна надежда...

Как будто зомбировавала его, погружала в транс. В результате голова склонилась, подбородок уперся в грудь. С трудом Семен вернул голову на положенное место, но взгляд замутился, женщина-осень теперь виделась через пыльное стекло с разводами. Мужчина боролся со сном изо всех сил, но победа осталась за противником. Он обмяк и свалился со стула, даже не почувствовав ни боли, ни неудобств. Свернулся калачиком и заснул. Но как бы видел себя со стороны, зависнув где-то в углу под высоким потолком.

С высоты полета насекомых он видел обезумившую от танца и песнопений женщину, которая неожиданно остановилась, словно наткнулась на невидимую преграду. Наконец, заметила спящего мужчину, упала перед ним на колени, приблизила лицо и шепнула что-то на ухо. Зависший под потолком Семен заинтересовался, но его вопрос никто не услышал. Женщина закинула

голову и расхохоталась – видимо, что-то показалось ей забавным. От подобной истерики, отдаленно напоминающей безумное веселье, обычно стынет кровь в жилах взрослого человека, а малые дети начинают заикаться. Мужчина лишь перевернулся на другой бок, подложив ладонки под щеку.

Отсмеявшись, женщина-осень подняла руки вверх, взывая к небу. Если точнее – к потолку с прилипшим к нему невесомым мужским телом, невидимым стороннему взгляду. Вдруг с потолка посыпалась земля. Этаким душ из сухой земли, устремленный точнехонько на женщину, стоящую на коленях с поднятыми вверх руками. Вот земля закрыла ее наполовину. Вот накрыла ее до плеч. Женщина безропотно принимала уготованную ей участь, не издавая ни звука. Семену с потолка показалось, что женщина уже мертва.

Едва ее голова скрылась под горой земли, из ниоткуда появился гриб-боровик с глазами, носом-картошкой, лукавыми глазками и длинной седой бородой. Рост живого грибка доходил до полуметра. Не более. Гриб-дедок держал в толстых пальцах колокольчик, яростно потрясывал им и издавал звонкие звуки. Заметив холм земли, он приблизился к нему, продолжая наяривать на своем колокольчике. Походил кругами, наконец, заметил спящего, и изрек: «Сам, сам, сам». И испарился так же неожиданно, как и появился...

Семен тотчас вернулся в свое спящее тело, потянулся, зевнул и проснулся.

Светало. В лесу было сыро и зябко.

Николай, дежурный-самовыдвиженец, крепко спал возле потухшего костра, подтянув к животу колени. Антонины в зоне видимости не было. Вероятно, отошла по личной надобности.

Семен стянул с себя куртку и накрыл спящего друга, продрогшего до костей в своем куце и растянутом свитере. Колька зачмокал губами, но не проснулся.

Сенька осмотрелся. Ему вдруг показалось, что за ближайшим к поляне деревом только что скрылся тот самый дедок из сна. Шмыг и нет его, только остатки угасающего звона. И тревожная тишина с вкраплениями шороха полевых мышей.

Шмыгун закрыл глаза, открыл и потряс головой, изгоняя странные видения.

- Не все ладно в нашем королевстве, - философски изрек он и отправился на поиски ягод к завтраку.

В голове продолжало звенеть, причем все громче и громче. Шмыгун чувствовал себя отвратительно – а как иначе, когда голова похожа на чугунный котелок, в который поместили непослушный будильник.

Побродив неподалеку, Семен не обнаружил никаких ягод и, вместо того, чтобы двигаться в сторону облюбованной поляны, присел на поваленное дерево и задумался. Мысль с Антонины и дедка с колокольчиком перескочила на одного из давних друзей, заядлого путешественника. Этот человек уверял: он никогда не потеряется в незнакомых местах, потому у него на телефоне установлена программа «КОМПАС 55». Необходимо указать точку - куда ты хочешь вернуться, после чего спокойно гуляешь по лесной чаще. С помощью программы выходишь в указанное место с небольшой погрешностью.

Что данная информация дает Шмыгуну? Ничего она ему не дает, потому что в тот момент он не поверил приятелю, любившему привирать и выставять себя умником. Сейчас подумал – вдруг тот говорил правду? Установил бы программу на свой мобильный и теперь не сидел был в лесу вторые сутки. И может просидеть еще неизвестно сколько.

Свой телефон Сенька забыл дома – в своем временном пристанище. Поставил на зарядку, проявил беспечность перед уходом в лес. У Кольки телефон кнопочный, в нем нет ни Интернета - помощника в любых ситуациях, ни каких-либо программ, даже фонарика нет. Еще повезло, что прихватил обычный фонарик, которому сто лет в обед. Но раньше делали надежные вещи, потому фонарик пока не подвел.

Семен очень надеялся, что следующую ночь они проведут в теплом доме.

Вдохновленный уверенностью, он отправился в обратный путь.

Антонина по-прежнему отсутствовала, а Николай сидел на корточках и подкладывал сухие ветки в разгорающийся костер.

- Доброе утро! – поприветствовал он друга, появившегося на поляне.

- Доброе, - бросил тот, озираясь по сторонам. – Тоня не возвращалась?

Ник повернул голову и удивленно взглянул на него исподлобья.

- Я спрашиваю, Тоня не возвращалась?

- Сень, я все понимаю – ты тяжело переживаешь развод, постоянно думаешь о своей бывшей... Вероятно, она явилась тебе во сне, ты перевел сон в реальность и решил, что мы пришли в лес втроем. Это не так, Сеня, - ласково

проговорил он. Обычно таким тоном разговаривают с капризными детьми или психически неуравновешенными взрослыми, желая восстановить мир и покой.

- Причем здесь моя бывшая жена? – непонимающе протянул Шмыгун.

- Ой, извини, я забыл, что ее зовут Света.

- Причем здесь Света! – вышел из себя Сенька и вкрадчиво поинтересовался, - ты надо мной издеваешься? Вы затеяли непонятную игру? Хочу тебе и ей сказать – сейчас не время для розыгрышей! Тоня, выходи, пора трогаться в путь!

Колька вскочил на ноги, подбежал к нему и приложил ладонь ко лбу.

- Жара нет,- констатировал и облегченно выдохнул. – А то я уж подумал, что у тебя бред. Но в одном ты прав – надо выбираться из этого леса. Еще одну ночь я не выдержу.

- Николай, давай поговорим серьезно, - предложил хмурый Семен.

- Давай, - согласился без раздумий тот, но сразу предупредил, - никаких Тонь здесь нет и не было. Впрочем, как и Тань, Вань, Петь и других людей.

Никак не отреагировав за заявление, Сенька продолжил:

- Вчера мы пошли в лес за грибами и заблудились. Когда стемнело мы услышали женский крик, пошли на звук и обнаружили молодую женщину, примотанную к стволу дерева скотчем. Женщина назвалась Антониной Денисовной Сулятьевой. Создавшуюся ситуацию она объяснила так: муж заманил ее в лес, привязал к дереву и ушел, надеясь таким способом избавиться от жены, богатой наследницы своего отца, скончавшегося некоторое время назад. Мы вернулись на поляну, пожарили грибы на костре и принялись рассказывать смешные истории из жизни, чтобы поднять боевой дух в массах - настроить на позитив, избавиться от уныния, вселить уверенность, что в любой сложной ситуации всегда есть выход.

- И что? – как-то настороженно поинтересовался Николай.

- Что! Истории вышли не совсем позитивные, мы легли спать, ты вызвался нести дежурство. Утром я проснулся, Тони нет, а ты дрыхнешь без задних ног.

- Спасибо за куртку, - возвращая предмет верхней одежды, поблагодарил Варенников.

- Больше тебе нечего сказать?
- Что ты хочешь от меня услышать?
- Правду.
- Я повторяю еще раз – никакую Тоню мы не выручали, вместе в ней не сидели у костра и не потчевали разными историями, способными поднять боевой дух. Мы сидели вдвоем, ели – это правда – жареные на костре лисички, ты рассказывал мне о своей бывшей супруге, на которой женился по большой любви...
- Ник, я ничего не понимаю! – схватился за голову Семен после паузы, во время которой они не сводили глаз с друга.
- Тоня тебе приснилась, только и всего, - нашел объяснение друг.
- Нет, мне приснился совершенно другой сон, - покачал головой Шмыгун и пересказал сновидение с участием женщины с лицом бывшей, волосами и фигурой Антонины и сказочного дедка с колокольчиком. – Я посчитал, что звон – это предупреждение: Тоня сказала нам неправду, надо ее опасаться, неизвестно, что она задумала и кто ее надомил. Недаром в твоём стихотворении-обращении к Сулятьевой есть такие строки... Сейчас я вспомню дословно... Ля-ля-ля... А потом: расскажи мне, как живешь, и надеюсь, не совершь... Выходит, ты тоже почувствовал ложь в ее словах...
- Семен, во-первых, ничего подобного я не писал, на ходу не сочинял, - подкорректировал свои слова поэт, - во-вторых, и прошу обратить особое внимание на мое заявление, чтобы до тебя, наконец, дошло – не было здесь никакой Тони, ни Сулятьевой, ни Ширлимырликойкиной! Понятно тебе? И в-третьих, раз не было женщины, не было ее объяснений, то не было ни лжи, ни правды. Ясно?
- Тогда у меня сдвиг по фазе на почве переживаний, - пробормотал Шмыгун. – Недаром в голове слышится звон... Звенит и звенит.
- И сейчас звенит?
- И сейчас.
- У меня тоже звенит.
- Да?

- Похоже на обычный колокольчик. Такие вешают на шею коровам, которые постоянно норовят отбиться от стада.

И сразу после этих слов Николая на полянку вышла пятнистая корова. С беспечным видом приблизилась к заплутавшим грибниками и издала протяжное «Мууу».

- И вам не хворать! - радостно поприветствовал ее Варенников и, расчувствовавшись, обнял за шею. – Сень, ты вымя ее видел? – шепотом спросил он. – Можно ее подоить и позавтракать.

- Ты когда-нибудь доил крову, доморощенный дояр?

- Никогда, - светясь от счастья, признался приятель. – Впрочем, у нас и посуды-то подходящей нет. Но есть выход...

- Я не стану подставлять широко распахнутый рот! – предупредил Сенька.

- Я не о том, - отмахнулся Ник, поглаживая коровий рог с выщерблинкой. – Я, конечно, урбанист до мозга костей, про домашнюю живность имею смутное представление, но точно знаю, что корове без дойки... неважко. Может даже заболеть. И это священное животное обязательно найдет того, что облегчит ее страдания. Это я к тому, что данное парнокопытное выведет нас к людям.

- Да, ладно, - не поверил Шмыгун, тоже имевший смутное представление о домашней живности. Но решил положиться на слова поэта с развитым воображением. А вдруг?

Друзья принялись вести с коровой обстоятельный поочередный или перебивающий диалог, смысл которого заключался в том, что они не могут ей помочь, потому как не приучены к подобному труду. Да, потребители, да белоручки, поэтому у нее, у коровы, нет другого выхода, только как возвращаться в родной дом, где ее давно ждет хозяйка, проглядевшая все глаза. Корова просто обязана войти в хозяйкино положение, иначе пагубные последствия неминуемы.

Сочетание «пагубные последствия» заставило парнокопытное еще раз протяжно замычать и тронуться в путь, позвякивая колокольчиком. Прихватив свои пожитки, приятели двинулись следом, осторожно ступая, как будто боялись сбить «путеводную звезду» с решительного настроения.

Вероятно, корова была неголодна, поэтому не отвлекалась на легкий перекус и уверенно трусила в выбранном ею направлении, друзья надеялись, в правильном.

Они были чрезвычайно удивлены, когда спустя полчаса вышли на опушку леса, в том самом месте, откуда и пошли по грибы. Деревушка жила привычной жизнью. Корова повернула налево, мужчины помахали ей вслед и свернули к дому. Наскоро перекусили, затопили баню, вымылись-погрелись, сварили супа из пакета, наелись, завалились спать и подрыхли до следующего утра.

За завтраком решились обсудить произошедшее.

- Эта... твоя Тоня вовсе не женщина, она сатана в женском облики, - начал Николай, - она водила нас кругами... Вот зачем мы ей понадобились, я пока не решил, - заключил он и взглянул на друга, который, в отличии от него, общался с этой чертовщиной.

- Раз она явилась мне, то понадобилось ей что-то именно от меня, - задумчиво протянул Семен. – Странно, что мы вообще обсуждаем подобные вещи. Ни я, ни ты в мистику не верим.

- Но в жизни случается такооое, что начинаешь веришь во что угодно. Выходит, мы должны были ее выслушать, чтобы после ей помочь... Но помогать ей, наверное, поздно: ее нет в живых. Значит, необходимо возмездие. Ты бывший мент. Как известно, бывших ментов не бывает, поэтому она обратилась к тебе... Все сходится, ее слова о муже-злodeе - правда: он заманил ее в лес, привязал к дереву. Ей удалось освободиться, она не знала здешних мест, угодила в болото и утонула. Или ее освободили нехорошие люди, они над ней надругались, убили и закопали. Неподалеку находится исправительное учреждение, эки совершали побег во все времена.

- Ты на них грешишь? – как бы согласился с предложенной версией Шмыгун.

- Одной жертвой больше, одной меньше, - вздохнул приятель.

- Что нам мешает кое-что проверить, - проговорил Семен и взялся за телефон.

В поисковой сети забил фио женщины, особо не надеясь на удачу.

- Есть такая, - обалдел он, когда увидел фото Антонины Денисовны Сулятьевой. – Один в один она.

Колька выхватил телефон из рук друга.

- Симпатичная... Слова сочувствия и поддержки мужу от друзей и знакомых... Так-так-так... А вот пишет и сам несчастный муж... Выходит, она бесследно исчезла ровно год назад. Проживала семейная чета Сулятьевых-Перевезенцевых в трехстах километрах от нашей деревушки. Эдуард Перевезенцев живет в том населенном пункте и поныне. Руководит фирмой своего покойного тестя. В права наследства не вступил...

- Должно пройти не менее трех лет со дня исчезновения супруги, чтобы ее официально посчитали погибшей.

- Вот же тварь дрожащая!

- Его самонадеянность меня удивляет, - нахмурился Семен. – Конечно, в лесу немудрено заблудиться, но местные жители не блукают как мы с тобой. Заходят в чащу и возвращаются. Они могли натолкнуться на несчастную женщину и спасти ее. А она – рассказать о муже-изверге, который оставил ее в лесу, желая подвергнуть ужасной смерти. Однако, никто не пришел ей на помощь. Тоня погибла. Это ясно. От руки сбежавших эков. Или от обезвоживания и голода. Но в этом случае, рано или поздно обнаружили бы ее останки. Останки не нашли, Антонина Сулятьева считается без вести пропавшей. Как такое может быть?

- Ты проверь по своим каналам, Сень, совершали ли побег из колонии год назад? Если да, то будем отталкиваться от этой версии. Узнаем фамилии гадов и заставим признаться в убийстве бедной женщины.

- Эх, Колька, если бы все было так просто. Думаешь, захочется им лишнюю статью получить? Тем более, за убийство.

- Ты прав – нет тела, нет дела.

- Но я попытаюсь узнать...

Шмыгуну удалось выяснить, что ближайшая исправительная колония является образцово-показательной, год назад побег из колонии никто не совершал. Последний побег случился десять лет назад.

- Версию с убийством от руки заключенных можно исключить.

- Значит, болото.

- Ник, нет здесь никаких болот, я по карте посмотрел.

- Тогда куда она подевалась? Я имею в виду Тоню.

- Я понял, кого ты имеешь в виду... Завтра мы с тобой отправимся в лес. Попытаемся найти то место, где мы якобы нашли Антонину.

- А ты найдешь ТО место?

- Кое-какие приметы я запомнил. Не переживай, мы не заблудимся. Я уже поставил на телефон одну умную программулину – отличный помощник таким путешественникам, как мы с тобой.

- Поверю тебе на слово, - с сомнением пробормотал Николай Варенников...

Одевшись потеплее и прихватил рюкзаки с провиантом и всем необходимым для туристического похода, друзья отправились на поиски.

Первым делом обследовали уже знакомую поляну. Угли от недавнего костра, ворох сухой листвы и невысокая стопка валежника. Удобрение на память от подруги-коровы.

Семен покрутился в центре поляны, закрыл глаза, пытаясь восстановить в памяти недавние события, когда они услышали женский крик о помощи. В этом деле Николай был Семену не помощником: Антонина Сулятьева предпочла бывшего мента, способного довести злодея до судебной скамьи.

Варенников что-то бубнил неподалеку.

- Что ты сказал, Коль?

- Я говорю – незатейливый сюжет для рассказа, на первый взгляд. Фантазия писателя, бьющая через край. Но сам бы я точно до такого не додумался.

- Потому что ни ты, ни я не верим в мистику. Это я тебе уже говорил.

- И как ВСЕ ЭТО объяснить? Существованием параллельного мира? Земными чудесами?

- Я никогда не верил рассказам некоторых штатских о том, что якобы их навещают покойные родственники, чтобы предупредить об опасности или поддержать в нужный момент...

- А теперь поверил? – заинтересовался Николай.

- Ну, раз с нами подобное произошло...

- Но обрати внимание на тот факт, что Антонина не только не приходится родственницей ни тебе, ни мне, но до вчерашнего дня мы, вообще, не знали о ее существовании. И вдруг она является тебе во сне, который включил в себя

еще один странный сон, и рассказывает свою историю. По всему выходит, что мы обязаны заставить преступника сознаться в злодеянии.

- Пока нам нечего ему предъявить. Даже если мы обнаружим останки Антонины, мы не докажем вину Перевезенцева.

- Вспомни, что она тебе еще говорила. Может, называла имена, фамилии.

- Она обещала познакомить тебя со своей близкой подругой. Будто бы вы очень подходите друг другу.

- Почему она так сказала?

- Потому что вы две противоположности. Будете дополнять друг друга. Зовут ее Виталина. Она владелица салона красоты. Фамилию Тоня не называла. И еще она заявила, что Вита старше тебя. Вероятно, догадалась, что ты привык жить под опекой старших.

Николай не обратил внимание на укол со стороны приятеля, как ни в чем ни бывало рассудил:

- Не беда, что у нас мало сведений о Виталине - мы знаем имя, знаем, чем занимается, и знаем, что с Тоней они были дружны. – Он следовал за приятелем, не выдержал и спросил, – Сень, ты точно знаешь, куда идти.

- Не задавай дурацких вопросов, - отрубил тот. Но шел он более-менее уверенно, поэтому Варенников полагал, что вскоре они достигнут места, где «обнаружили» несчастную женщину.

- Черт побери! – воскликнул Николай. Он первым заметил грязный, перекрученный широкий скотч, свисающий с толстого ствола дуба. – И впрямь ей удалось самостоятельно освободиться, - присматриваясь, сообщил он.

- Я до последнего сомневался, - признался Семен.

- Честно говоря, я тоже подумал, что ты решил меня разыграть, а о Сулятьевой вычитал в социальных сетях.

- Тоня освободилась, а потом с ней произошло несчастье, в противном случае она вышла бы к людям. Или ее тело обнаружили местные жители. Куда она могла пойти?

- Куда угодно. Надо учитывать, что женщина была напугана, истощена, плохо соображала. Не факт, что умела ориентироваться по солнцу, по мху на

деревьях, по чем-то там еще. Бежала, куда глаза глядят, подальше от этого страшного места.

- Скорее всего, так и случилось.

- Я разговаривал с соседкой. Она рассказала, что прошлый август был дождливым и холодным, - сообщил Николай.

- А вот это уже кое-что! Тоня могла найти укрытие... Ты говорил, что в начале войны твоя бабушка ушла в партизаны... Выходит, в лесу есть их стоянка... Если, конечно, она сохранилась до наших дней.

- Без местных жителей мы точно ее не найдем.

По возвращению в деревню друзья, не откладывая дела в долгий ящик, отправились к соседке. Не стали открывать всей правды, заявили, что они изучают историю края, уделяют особое внимание периоду Великой Отечественной войны. Заверили, что не «черные» копатели. Соседка направила их к деду, который, несмотря на преклонные годы, мог рассказать о том тяжелом периоде в истории нашей страны, о своем участии в партизанском движении. Было ему в ту пору всего двенадцать лет, но он сражался с фашистскими оккупантами наравне со взрослыми.

Друзья предполагали увидеть дряхлого и немощного старика, а увидели бойкого и разговорчивого пожилого мужчину, которому не дашь больше семидесяти. Бравого старикана звали Валерианом Васильевичем Погостиным. Он согласился сопроводить «историков» до места, где находился партизанский отряд.

- Я поведу вас коротким путем, о котором мало кому известно. Но так и мне легче, и вам. Вы-то молодые, но непривычные, а у меня ноги отказывают.

Тот, у кого отказывают ноги, шел быстрым шагом, «историки» за ним едва поспевали. Еще говорил без умолку.

- Когда фашисты пришли в нашу деревню, в сорок первом, мы с теткой гостили у бабки с дедом. Родители мои померли, меня тетка воспитывала. Вернуться домой не смогли, пришлось задержаться в деревне. Тетка работала медицинской сестрой, была членом партии. Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что с такими делают фашисты – к стенке и вся недолга. Сволоты всякой хватало, враз бы фашистам сдали всех коммунистов, евреев и прочих чересчур сознательных элементов. Пришлось уйти в лес, примкнуть к партизанам. Командиром у нас был кадровый военный, он с небольшой

группой бойцов попал в окружение. Партизанский отряд быстро пополнялся новобранцами. Воевали не на жизнь, а на совесть. Да, трудно было. А кому в то время было легко. Сначала жили в шалашах. Делали их из еловых веток. Постепенно вырыли несколько землянок. В штабной проводили совещания, планировали диверсии. Медицинская – сами понимаете, для чего. На парашютах нам сбрасывали медикаменты и боеприпасы. На парашютном шелке писали листовки, бумага была в большом дефиците. Отдельная землянка для оружия и боеприпасов – под охраной, конечно. У меня имелся свой личный ППШ... Жилых было четыре землянки на десять-двенадцать человек. Печка-буржуйка стояла... Да, было время...

Дорога заняла два с лишним часа. Неожиданно троица оказалась на большой поляне, не чета той, уже знакомой путникам. Несложно догадаться, что когда-то здесь располагался партизанский отряд. Провалы в земле, в беспорядке валяются бревна, поломанные и целые, но выглядевшие как после бомбежки.

Валериан подошел в одному провалу и сообщил:

- Здесь находилась штабная землянка, самая большая и надежная... Потому и сохранилась... Если можно так выразиться.

Семен и Николай подошли ближе и присмотрелись.

- Ну, да, очень похоже на землянку, - пробормотал Варенников. – Если оттащить бревна, то можно проникнуть внутрь и... проверить, - предложил он приятелю.

- Валериан Васильевич, как давно вы посещали это место? – спросил Семен.

- Почитай два года не был.

- Когда были в последний раз место выглядело как сейчас? – уточнил он.

- Штабная землянка выглядела целехонькой. Здесь собирались устроить что-то вроде музея. А в прошлом году все лето было дождливым. Местные сторожили такого потопа не припомнят. По всей видимости, землянку залило, бревна завалили вход... Была землянка, вышел один большой провал.

- Как думаешь, она там? – шепотом спросил Колька у Семена, дернув головой в сторону бывшей штабной землянки.

- Вполне возможно. Освободилась от пут, побежала, не разбирая дороги, заблудилась, вышла на партизанскую стоянку. Вдруг пошел дождь, она

укрылась в штабной землянке – хотела переждать непогоду... Но нашла в землянке последний приют.

- Сень, мы одни не справимся. Надо подмогу звать, в полицию заявлять.

- И что ты скажешь полицейским? Я предполагаю, что под завалами старой землянки могут находиться останки пропавшей год назад женщины? Они или пошлют тебя куда подальше, или заподозрят в похищении человека – в противном случае, откуда тебе знать, что под завалами именно тот человек, о котором ты говоришь?

- Твои предложения?

- Вести в курс дела нашего проводника. Он мужик мудрый, нас поймет и подскажет.

- Это верно. А то психанет - скажет, кощунство над памятью, и уйдет, оставив нас в лесу. Мы, конечно, народ бывалый, и помощник в лице программы «Компас 55» у нас есть, но лучше подстраховаться. Дедок – лучше всякой программы.

И Семен поведал Валериану невероятную историю, случившуюся с ними – с ним – в этом сказочном лесу.

- Получается эта ваша Тоня, действительно, бесследно исчезла год назад, – внимательно выслушав, проговорил дедок. - Почему-то я не удивлен. В нашем лесу много чего происходит. Вот во время войны двоих наших фрицы подстрелили. Одного насмерть, а другого сильно ранили. Как потом выяснилось, пуля прошла в двух сантиметрах от сердца. Последние силы у раненого на исходе, понимает, что всё, каюк ему. Притулился к дереву, молит бога о помощи. И вдруг появляется один из наших, Пашка-сорвиголова, его полгода назад фрицы повесили на площади. Запугали жителей, чтобы никто к нему не приближался – пусть висит как напоминание всем сочувствующим: с каждым будет так. И все же мы совершили ночную вылазку, вынули тело из петли и предали земле.

- И этот человек появился рядом с раненым? – уточнил Николай.

- Об этом и говорю. Крепкий был мужик, весельчак и балагур. Сколько раз уходил от фрицев, сколько раз под пули попадал, все ему нипочем... Но не в тот раз. В ногу его ранили, потому и схватили гады фашистские. Хотел подорвать себя и их гранатой, да не успел... Помог он добраться раненому бойцу до партизанского отряда – на себе дотащил. Положил на пороге

медицинской землянки и исчез. Когда боец пришел в себя после хирургической операции, то сразу спросил о Пашке. Решили – бредит. Окончательно выздоровев, парень опять заговорил о Пашке. Рассказал, как дело было. Честно говоря, мы в то время во все верили – и в бога, и в черта. А наша повариха, баба Нюся, тогда сказала: покойники приходят к тем, кто нуждается в помощи, или к тем, кто может им помочь. Вот так вот, ребята. Так что я нисколько не удивлен вашим случаем.

С трудом освободив узкий проход в заваленную штабную землянку, мужчины задумались: если разбирать дальше, землянку завалит основательно. Без спецтехники точно не проникнешь внутрь. А спецтехника сюда не доберется. Тогда выбрали молодого и компактного – Николая Варенникова. Тот сначала изобразил полный «восторг», потом без лишних слов попробовал ужом пролезть в разрушенную землянку. И это у него получилось. Подошвы кроссовок мелькнули перед глазами Семена и Валериана и исчезли.

Прошло десять томительных минут. Наконец появилась голова Варенникова.

- Она там, - с придыханием сообщил он...

Эдуард Перевезенцев не смог опознать жену. Или не захотел. Но в чем-то его подозревать у следствия не было оснований. Тело пролежало в заваленной землянке целый год, никаких безделушек на погибшей не было, как не было особых примет.

Следователь спросил у Эдуарда о родственниках пропавшей супруги, чтобы провести экспертизу ДНК. Оказалось, что у Антонины Сулятьева есть всего одна родственница – сестра по отцу.

Звали ее Виталина Денисовна Сулятьева. Вот такой вот поворот.

- Не зря Тоня говорила о Виталине, - рассудил Семен Шмыгун. – Она не сказала, что они сестры по отцу, но... зачем-то назвала ее имя.

- Чтобы сделали сравнительный анализ и установили личность погибшей, - высказался Николай.

- Или чтобы та нам помогла обличить преступника, в данном случае Эдуарда Брониславовича Перевезенцева.

- И как она это сделает, позвольте спросить?

- Надо подумать...

Антонину хоронили в закрытом гробу, естественно. После отпевания люди поочередно подходили к гробу, прикладывали ладони, говорили прощальные слова. Дошла очередь и до Виталины. В отличие от других, она говорила громко, при этом вертела в руках мобильный телефон – нервничала. Затем и вовсе повела себя весьма странно - приподняла крышку гроба и опустила в гроб мобильный телефон со словами:

- Тонечка, ты звони, если что. – Хлопнула крышкой и вызывающе воззрилась на присутствующих. Все отвели взгляды.

Впрочем, никто осуждать близкую родственницу не решился – большое горе все-таки. Эмоциональные люди переносят горе эмоционально, поступают, как им вздумается. Вдруг ожидание звонка с того света как-то ее успокоит.

Звонок с того света последовал, но не тому абоненту.

- Эдик, это я. Узнал? – спросила Тоня у вдовца. – Вот я и вернулась. Хочу с тобой кое-что обсудить. Как станешь дальше жить, муж мой любимый? Как будешь спать?

Эдик замер с открытым ртом, с трубкой возле уха, боясь шевельнуться.

- Я скоро за тобой приду. Очень скоро... Но выход есть... Эдик, ты хочешь жить или хочешь умереть? Вопрос риторический – конечно, ты выбираешь жизнь. Жизнь в родных стенах или жизнь в казенном доме – это все равно жизнь, разная, не спорю, но Жизнь! Если ты откажешься написать чистосердечное признание, я стану приходить к тебе каждый день, каждую ночь, я сведу тебя с ума, ты дойдешь до крайней черты и сам прервешь свое земное существование. Когда у человека есть выбор, это уже неплохо...

- Когда я услышал голос Виталины, то сразу сообразил, как надо поступить, чтобы преступник сознался в преступлении, - рассказывал Семен своей бывшей супруге Светлане, которая вдруг пришла к нему и заявила, что поспешила с разводом. Только в разлуке поняла, что всегда любила его одного.

Семен предупредил:

- Я подал раппорт – возвращаюсь на службу.

- Это здорово, - после паузы заверила она. – У мужчины должна быть любимая работа, которой он отдает всего себя. В противном случае у него... портится характер. – Что она хотела сказать, но вдруг передумала, для Сени осталось загадкой, докапываться до истины ему не хотелось.

Потом они занимались любовью, как бы вспоминали друг друга, наслаждались. Прошрое с его недомолвками, взаимными обвинениями кануло в лету. В этом силился убедить себя мужчина.

Наверное, он перестал верить и доверять: предавший однажды, предаст и дважды.

Что-то у Светки не сложилось в новых отношениях, она решила вернуться. Сейчас отсидится, потом приступит к поиску очередной кандидатуры, способной ее удовлетворить во всех отношениях.

Светка стала чужой. А была ли она своей? Вероятнее всего, виною стал он сам: еще в ранней молодости создал некий образ, а, встретив Светку, обомлел - как она соответствует этому образу! И влюбился он в Образ, не в саму Светку. Семен осознал это только вчера, когда бывшая с видом побитой собаки переступила порог. Он ее пожалел, не более того, хотя, поначалу показалось, что безумно рад и чрезвычайно счастлив.

Жизнь одна. Она пролетает быстро и незаметно: только пошел в школу, и уже, здравствуй, пенсия! И что ты видел за прошедшие годы? Что приходит тебе на ум? Победы на трудовом поприще. Это немало. А в личной жизни? Ты прожил вместе с нелюбимой женщиной, чему виной твоя бурная фантазия и заблуждение, из которого ты не хочешь выбраться... Нет, он понял про себя всё, и он хочет начать новую жизнь с человеком, которого он полюбит по-настоящему, которому будет доверять.

Надо отдать Светке должное, она никогда не была дурой, считала дураками других людей, но это ее проблема. К данной категории, вероятно, относила и супруга, заплутавшего в лабиринте придуманного им мира...

За завтраком Семен чувствовал себя не в своей тарелке, как будто провел ночь с малознакомой женщиной, которая возомнила себя хозяйкой и не желает уходить, а он, интеллигентная тихоня, не способен указать ей на дверь.

Чтобы как-то избавиться от гнетущего напряжения, Семен поведал необыкновенную историю с реальными персонажами, закончив фразой:

-... Когда я услышал голос Виталины, то сразу сообразил, как нам поступить, чтобы преступник сознался в преступлении: оказывается, у сестер очень похожи голоса, хотя, внешне они совершенно разные.

- И этот твой Перевезенцев пошел и во всем признался? - спросила давно знакомая женщина, вдруг ставшая чужой. Она ковыряла ложкой в тарелке с овсянкой и, прищурившись, наблюдала за мужем.

- Ну, во-первых, Перевезенцев не мой, во-вторых, с чего бы ему бежать в участок, сломя голову. Улик против него нет... Пришлось испытывать на прочность его психику. Испытание он не прошел.

- И как долго вы занимались телефонным мошенничеством?

Семен скривился:

- Это была вынужденная мера - у нас не было другого выхода. Цель оправдывает средства, как говорится.

- Он не догадался сменить номер телефона?

- Менял и ни раз, бросал трубку, отключал на время телефон, но это ему не помогло. Виталина продолжала донимать его звонками. Чтобы окончательно не свихнуться, пришлось доковылять до ближайшего полицейского участка и дать признательные показания.

- Да уж, история, - скривила рот Светлана, отодвигая тарелку. Каша осталась нетронутой. – Сеня, ты... - начала она и запнулась. - А что твой Николай? - нашлась, не решившись задать важный вопрос.

- Виталина сама пригласила этого олуха на свидание.

- Виталина его, а не он ее?

- Николай шарахается от женщин, как от чумы.

- Он ответил согласием?

- Попробовал бы он отказать Виталине, - хмыкнул Сенька. – Сам Коля так мне пояснил, но я заметил блеск в его глазах, и все про него понял – влюбился мой школьный товарищ по самые уши.

- Небось, стихи ей посвящает? - безразличным голосом спросила Светлана, погружившись в свои мысли.

- С поэзией Коля завязал.

- Что не случается, все к лучшему.

- Свет, ты о чем?

- Ты сам знаешь, о чем... Пойду я...

- Свет...

-Ничего не говори, я сама во всем виновата.

- Это рано или поздно должно было случиться, - коряво успокоил ее бывший муж.

- Прощай.

- Прощай.

Она быстро собрала вещи. Дверь тихо за ней закрылась. Семен вышел в прихожую и закрыл дверь на замок, словно боялся, что женщина вернется, и у него не хватит сил ее выставить. Да, что там выставить, не хватит сил для объяснений. Ему повезло с бывшей – не дура, сама догадалась.

Вернулся в кухню и взялся за телефон.

- Колька, здорово! – поприветствовал он друга, услышав в трубке бодрый голос.

Друг не удосужился поздороваться, затараторил:

- Сенька, я всю ночь писал. Мне не нужно ничего придумывать, кое-что приукрасил, прилизал, и вышел незатейливый сюжет для сказки. Сказки для взрослых. Для реалистического рассказа он не подойдет – у меня нет объяснения произошедшему.

- Я спокоен - для писательского сообщества ты не потерян, - поерничал Шмыгун. Настроение значительно улучшилось.

- Тебе бы все хиханьки-да-хаханьки, - без обиды заявил Николай Варенников.

Семен посерьезнел и сказал:

- Ты прав, Коля, многое в этой жизни объяснить невозможно. Да, и не нужно.

- О чем ты сейчас? Ведь не о случае с Тоней?
- Вчера неожиданно вернулась жена, а сегодня мы расстались навсегда. Уверен: если бы не встреча с Тоней, я бы никогда не стал так ценить жизнь, как ценю ее сейчас. Зачем распыляться на ненужные вещи, тратить время на... В общем, ты меня понял... Сказка для взрослых, надо же...
- Конец вышел хорошим – зло наказано, а то, что начало положила совершенно дикая история, то в сказке так и происходит.
- Если бы главная героиня воскресла от поцелуя принца, вот был бы хороший конец!
- У меня... у нас, - поправился Николай, - воскрес принц – он увидел жизнь под другим углом, разобрался в себе и в других, и теперь заживеет, - счастливо протянул он.
- Заживем, - скорректировал высказывание Семен и широко улыбнулся...

Август 2021г.